

ничего, кроме смерти, не разрушив, сам сын божий, предвечное Слово, Христос.

О свободе воли не возникает спора, и это тоже любопытно. Правверным мусульманам подобало бы держаться теории полного предопределения, но турки, видимо, находились под каким-то влиянием соответствующих идей персидских мутазилитов или суфиев (в роде такого известного суфия-теоретика, как Абд ар-Раззак, XIII—XIV вв.),⁷⁹ а может быть, — и под влиянием «хион», которые в качестве караимов должны были вслед за саддукеями совершенно отрицать судьбу и влияние бога на человеческие дела и всё приписывать одной лишь свободной воле человека.⁸⁰

На главный же, видимо, вопрос турок — «Почему мы принимаем Христа и любим его и почитаем, и считаем, что он есть сын и дыхание бога, и мать его считаем близкой к богу, а вы нашего пророка не принимаете и не любите?», который они задали Григорию Паламе по приказу эмира, тот ответил, не оставив никаких надежд на сближение в вере: «Нам ведь сказал господь и бог наш Иисус Христос, что вновь придет судить весь мир, и заповедал нам не принимать никого другого (вплоть до того времени), пока он не вернется к нам. . .»

Возражать на то, что Иисус Христос придет судить мир, турки не могли, так как сами в качестве мусульман должны были верить во второе его пришествие.⁸¹ Заповедь же не принимать никаких других учителей была, видимо, им незнакома, но они спорить не стали.

Таким образом, цель, к какой, как я думаю, стремился, организуя этот диспут, Урхан, достигнута не была. Присоединить христианство в лице видного православного богослова к мусульмано-караимскому альянсу, т. е. найти путь для религиозного инкорпорирования христиан «в турки», не удалось. Для присутствовавшего же на этом диспуте христианина — врача Таронита речи Григория Паламы явились наглядным свидетельством высоты и непобедимости христианской мысли. Но, несомненно, большую пользу от этой встречи имели все-таки и турки: их толерантное отношение к христианам оказалось благодаря письмам Паламы и запискам Таронита авторитетно засвидетельствованным среди греков. . .

6. История произведения

Об авторе записи «Беседования», враче Тароните, ходатайствовавшем перед эмиром о пленных, Григорий Палама пишет скупно, но с очень большой теплотой: «Прибыв обычным образом в Никею и обнаружив святой храм при Якинфовом монастыре и сладостный источник среди красиво растущих деревьев, вместе с благоуханием дающих достаточно тени и покоя, мы расположились там на отдых. Тут же, никем не будучи зван, по собственной воле, к нам, опередив других, подошел Таронит, чаша божественной любви. Ибо он жаждал жаждущих и на путях, по написанному, обращался с нами ласково. И мы насыщались им доколе он пребывал (с нами). Когда же ему пришло время уходить, он оставил нам своего знакомого, носящего имя в честь света (Фотий, — Г. П.), друга, с которым на следующий день, беседуя, я вышел из Восточных — и на самом деле, и по названию — ворот города, бывших ближе других. . .»⁸²

⁷⁹ См.: И. П. Петрушевский. Ислам в Иране, стр. 207, 336.

⁸⁰ Еврейская энциклопедия, т. XV, стлб. 185.

⁸¹ См.: И. П. Петрушевский. Ислам в Иране, стр. 70.

⁸² Max. Treu. 'Επιστολή Γρηγορίου τοῦ Παλαμά, . . . , р. 230.